

18+

Оксана Темникова

Любовь во времени

Часть I

Оксана Темникова

Любовь во времени. Часть I

«Издательские решения»

Темникова О.

Любовь во времени. Часть I / О. Темникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517520-5

В него вселились все демоны мира. Отравленный мыслями о ней, он весь день искал эту женщину, внезапно ворвавшуюся в его жизнь и перевернувшую ее. Им владело безумство, наполненное лишь одним желанием — найти ее живой и невредимой. И он нашел ее, вжавшуюся в корни деревьев, мокрую насквозь, но живую. Калейдоскоп эмоций охватил все его естество: радость и гнев, облегчение и злость, ненависть и было что-то еще, но это пугало, настораживало и вызывало чувство незащищенности и уязвимости.

ISBN 978-5-00-517520-5

© Темникова О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Любовь во времени Часть I

Оксана Темникова

© Оксана Темникова, 2020

ISBN 978-5-0051-7520-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-7521-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Как темно и безумно холодно. Мне страшно и больно. Я не могу дышать. Морские волны нещадно бьют мое тело. Я пытаюсь встать на четвереньки и ползти, но море затягивает меня обратно в пучину, как разбушевавшийся монстр, пожирающий свою жертву. Руки скользят по острым камням. Они разрезают мне ладони. Больно сделать вдох. Легкие забиты соленой водой, в горле застрял песок. Я хочу кричать, звать на помощь, но не могу. Боже, как мне страшно. Адская боль во всем теле, нет сил больше бороться. В голове предательски пульсирует мысль: «Отдайся стихии, не сопротивляйся и боль уйдет». Но я хочу жить...

– Сашка, проснись. Ты опять кричишь. Тот же сон? – Женя встревоженным взглядом вглядывался в освещенное лунной бледное лицо жены, – ты вся мокрая от пота и дрожишь. Скажи же что-нибудь! Это тот же сон?

– Да... – хрипло выдавила Александра, разомкнув спекшиеся губы. Она до сих пор ощущала боль в легких, пропуская в себя воздух маленькими прерывистыми толчками. Ладони горели. Саша, инстинктивно избавляясь от крови, вытерла их об одеяло.

– Когда же ты обратишься к врачу? Ты обещала это сделать еще на той неделе. Может тебе успокоительное или снотворное пропишут...

– Да... – уже громче смогла она выдавить из себя.

– Что да? Ты же сама понимаешь, что это не нормально.

Женька еще что-то недовольно бормотал, комкая подушку под головой, устраиваясь по удобнее и вновь проваливаясь в сон. Александра встала и шаткой походкой, держась за стены, прошла в кухню, чтобы выпить стакан воды. Она уже делала это привычными движениями, не включая свет. Уже почти три недели это ее обычный ночной путь на кухню за глотком воды, как ритуал.

«Женька обычно не просыпается, – думала она. – Интересно, чтобы он сказал сейчас, узнав, что этот ужас преследует меня каждую ночь. Ладно, не важно, я справлюсь. Ему в последнее время все равно на все, что я думаю и делаю. Он стал чужим, как будто у него появилась... нет... не думай об этом...»

Она стояла на кухне у окна. Свежий апрельский ночной воздух трепал старую занавеску. Ночь жила своей особой тайной жизнью. Одинокие автомобили мчались по своим делам. Ночь слегка искажала их черты в бликах фонарей и фар, делая как-бы игрушечными. Где-то во дворе слышны крики и смех пьяной молодежи. Ее взгляд, не моргая, был устремлен в лицо ночи. И оно казалось ей прекрасным в своем спокойствии.

«Только ночь имеет полное право на господство над миром. Сколько тайн она хранит в себе? – размышляла Саша, застыв в неподвижной позе лунатика у окна. – Как бы я сейчас хотела стать ее частью, раствориться в ее успокаивающей темноте, чтобы никогда больше не бояться черноты ночи и доверить ей свои мечты о любви. Существует ли настоящая, сильная, вечная любовь?»

Утренние лучи солнца небрежно скользнули по ее лицу, выводя из транса. Зажмурившись, она поняла, что сегодняшней день встретила стоя у окна, проводив ночь с честью часового. Впрочем, как и в прошлые другие ночи. Переступив босыми ногами, Александра уткнулась лбом в стекло окна.

«Сейчас придет оранжевый мусоровоз... – думала она. – Выйдет мужчина в синем комбинезоне, привычным жестом бросит окурок, сплюнув через плечо, и приступит к опорожнению контейнеров. А вот и он. А где же мальчик? Где сонный мальчик? Вот он идет, еле сдерживая вырывающуюся с поводка собачку. Каждый раз я хочу залезть в интернет и узнать, что это за порода собаки».

– Сашка, доброе утро! Ты уже встала? Кофе сварить?

– Да.

Она задумчиво потерла лоб: «Я ему уже третье „да“ послала. что бы это значило? И почему он всегда спрашивает – „Ты уже встала?“, как будто не видит. Или это не вопрос, а утверждение... Странно, я простояла всю ночь и не устала. Так бы весь день простояла. Может мне податься в Почетный караул у Мавзолея?» – Александра улыбнулась своей шуточной мысли.

Она уже собиралась сделать шаг назад, как бы отступая от ночных секретов, но тут ее взгляд привлек дворник. «Странно, – подумала она, – это третье лицо, которого быть не должно в моем утреннем сюжете.» Саша склонила немного голову на бок, прислушиваясь.

«Я уверена, что он насвистывает песенку, подметая дорожку. Я его не слышу, но определенно это знаю. И мне непременно нужно его услышать!» – думала она, судорожно дергая задвижку на старой деревянной раме. Распахнув окно, она попыталась уловить мелодию сквозь шум, издаваемый мусорными баками и визгливым лаем собачки.

Вдруг дворник остановился и, подняв голову, посмотрел ей прямо в глаза. Улыбнувшись, он сделал реверанс с поклоном. Саша непроизвольно улыбнулась в ответ и махнула рукой, не забыв при этом вопросительно приподнять бровь – ее коронный жест немого вопроса.

– Сашка, ты что, чокнулась? Какого фига раскрыла окно, вывалиться хочешь? Блин, а где кофе? Ты же сказала, что сварить его?

Саша вздрогнула, быстро закрывая оконные створки, как нашкодивший ребенок, и виновато посмотрела в спину мужа, удаляющегося в ванну.

– Жень, сейчас сварю. Ты будешь омлет или глазунью?

«Он сейчас скажет глазунью...» – подумала она, включая кофеварку.

– Глазунью, – крикнул Женька из ванной.

Александра склонила голову к плечу, укоризненно посмотрев на холодильник, и проворчала, как бы обращаясь к нему.

– Я же знаю, что он всегда говорит глазунью. Почему же я каждое утро задаю ему один и тот же вопрос? Может потому, что я люблю омлет, но вынуждена в знак поддержки поглощать глазунью... А может вообще и не надо ничего спрашивать, а делать то, что люблю я.

Александра поставила сковороду на варочную панель и достала пять последних яиц. Взбив их с молоком, она с чувством собственного удовлетворения, вылила желтую смесь в сковороду. Разлила готовый кофе по чашкам.

– Как пахнет утро? Утро пахнет свежесваренным кофе... – рассуждала она, накрывая на стол.

– Жень, иди завтракай.

Сейчас он сядет за стол, увидит омлет и посмотрит на меня удивленно – «я же просил глазунью...». И еще она подумала о том, что до сих пор в короткой ночной маечке и шортиках. Такая милая, нежная, желанная и он непременно это заметит, обнимет ее, нежно поцелует в губы и..., а потом скажет: «Сашка, я люблю тебя...»

Мечтая, Саша прикрыла глаза, наслаждаясь первым глотком кофе. Она даже не сразу осознала, вернувшись мыслями в кухню, что Женька уже сидит за столом и уплетает омлет, уткнувшись в планшет. Она успела отметить, что при этом он удивительно ловко попадает вилок в рот. Женька всегда умел поглощать пищу, не глядя на нее. «Вот бы мне такой талант...» – Сашка улыбнулась своей глупой мысли. «Значит, ему всегда было абсолютно плевать, омлет или глазунья, – подумала Александра, грустно усмехнувшись. – И зачем я ему почти два года задаю этот вопрос по утрам?»

Сев на табурет напротив Женьки, она вновь погрузилась в свои мысли об яичной истории. Кофе медленно, но верно перетекало из чашки в желудок.

«Я бы сказала автоматическое перемещение жидкости под физиологическим воздействием, таким как глотание, – Сашка опять усмехнулась, – во как загнула, надо же, талантище!»

– Спасибо за завтрак. А ты что до сих пор лохматая? Начальство не одобряет опозданий, а у нас ипотека. Ну ладно, я побежал. – Произнес на прощанье Женька и выскользнул за дверь.

Александра пригладила копну черных непослушных локонов, как бы оправдываясь, но ничего не ответила. Они оба знали, что в их жизни давно появились вопросы, не требующие ответа. «Ипотека! Какое вычурное определение гнетущей двадцатилетней кабалы,» – думала она, плетясь на кухню.

Саша до последнего пыталась отговорить Женьку от этой глупой в ее понимании идеи: «Жень, ипотека привяжет нас к одному месту. А если мы захотим сменить место работы или город, а может даже страну? С ипотекой мы уже не сможем жить для души, она сделает из нас рабов обстоятельств...» Но Женька отмахнулся: «Я не намерен отдавать каждый месяц за съемное жилье... и разве ты не понимаешь, что мы, по крайней мере, сейчас платим за свою крышу», – возмутился он. «В итоге, мы стали рабами... – рассуждала она, – трясемся над каждой копейкой, отказывая себе в удовольствиях. И в таком угнетении нужно просуществовать двадцать лет, умудряясь не опаздывать на не любимую работу. Какой ужас!»

Она уже хотела приступить к утреннему ритуалу – убрать со стола, вымыть посуду, умыться и одеться. Но тут очередная мысль пригвоздила ее к табурету: «Какой странный дворник, как он узнал, что я наблюдаю за ним с пятого этажа? И он был далеко, но я разглядела его аккуратно подстриженные усы, карие глаза и смешную шляпу. Где он научился так изящно ее снимать в поклоне реверанса? И почему он улыбнулся мне, как будто знает меня?»

Потом ее мысли переместились на сонного мальчика: «Он всегда утром такой грустный и уставший. Наверно, мама насильно выгаликивает его из квартиры выгулять собаку. Я не хочу дать этому миру еще одного грустного ребенка»

– Который час? О, Боже! 11 часов... я опоздала на работу. – Александра подскочила, как ошпаренная, быстро убирая посуду со стола. Но в голове уже выстраивались фразы, как сказать шефу, что сегодня ее не будет.

«Сегодня среда и в конторе меня ждет куча бухгалтерских счетов на обработку...», – подумала она и сглотнула комочек подкатившей тошноты к горлу от осознания этой ненавистной работы. Она уверенно набрала номер телефона шефа.

– Виталий Викторович, доброе утро. Это Саша Лихневская. Извините, но я плохо себя чувствую. Можно я возьму отгул? Спасибо большое.

Не дожидаясь ответа, Александра быстро положила трубку и вздохнула полной грудью. Это первый раз за все утро, как вздох блаженного облегчения. Даже ладони вспотели от напряжения.

Она пританцовывая устремила в ванну и, умывшись, придирчиво взглянула на себя в зеркало. На нее смотрела красивая молодая девушка огромными голубыми глазами с оттенком легкой невинности. Каскад черных шелковистых волос обрамлял идеальный овал лица. Александра сморщила чуть вздернутый носик, притронувшись к темным кругам под глазами – отпечаток бессонных ночей. Привычными жестами нанеся макияж, она улыбнулась себе.

– Ну вот, остался последний штрих, который оживит мое бледное лицо – румяна. Все! Кукла готова выйти в общество. – Сказав это, Александра печально вздохнула и, театрально подбоченившись, показала своему отражению язык.

И тут совершенно спонтанно еще одна мысль овладела ею: «А почему бы мне не прогуляться в парке... в том самом... заброшенном. Только я сама с собой и даже без телефона...»

Она натянула джинсы и открыла шкаф с педантично-правильно развешенными офисными рубашками и блузками. Брезгливо посмотрев на это сборище одеяний, Сашка схватила растянутую футболку со стула. В прихожей ее преданно ждали кроссовки, потрепанные любовью хозяйки. Схватив ветровку и накинув на плечо рюкзачок, она еще раз глянула на себя в зеркало с удовлетворением отметив творческий беспорядок в прическе.

Весело насвистывая какую-то мелодию, она выскользнула за дверь и позволила себе по-детски вприпрыжку спуститься по ступенькам с пятого этажа. На первом этаже в нос ударил привычно-родной неприятный запах подъезда. Она остановилась, разглядывая стены с облупившейся краской в созерцании исторических любовных событий этого дома. Ее привлекла надпись «Аня + Дима» в сердечке, завершенная точкой от сигаретного окурка.

«Интересно, кто эти Аня и Дима? – подумала она, – может они живут сейчас в этом доме и каждый день, выходя на улицу и держась за руки, смотрят на эту надпись, наполняясь любовью от воспоминаний? А мне нечем наполняться, в моей жизни нет любви. Женька стал холоден и безразличен ко мне, он даже перестал замечать меня как женщину.»

Александра прикурила сигаретку, ощутив легкость в ногах от первой утренней дозы никотина, достала помаду и рядом написала «Саша + Женя», уверенно поставив точку сигаретным окурком, как пером Шекспира. Завершив арифметическое сложение двух имен, она распахнула дверь и, столкнувшись со стеной звуков дневной жизни, замерла чуть дыша. Подняла лицо к небу и, закрыв глаза, с жадностью начала ловить многообразие звуков жизни: сигналит машина, плачет ребенок, ругается продавщица с поставщиком, девушка рядом что-то эмоционально доказывает телефонной трубке, стук с ближайшей стройки и грохот закрывшейся подъездной двери за спиной.

«Все, финальный звук пойман, – мелькнуло в голове у Александры, – можно идти дальше».

– Ну давай, мистер Фридрих, не подведи, – обратилась Сашка к старенькому форду.

Почему машину кличут мистером Фридрихом не известно никому. Этот секрет бывшая пожилая хозяйка автомобиля так и не продала, вручая ключи Александре с грустной улыбкой. Кличка автомобиля была решающей в принятии решения о покупке именно этой машины. Хотя Женька до последнего отговаривал, сказав, что и пальцем не ударит, если форд начнет разваливаться на ходу. Поэтому Александра, с любовью эксплуатируя Фридриха, ни разу не обратилась к мужу с просьбой о помощи. Все реанимационные действия смело брала на себя. Мистер Фридрих, причмокнув, натужно заурчал.

– Ну что, друг, в парк! – весело сказала Александра, отпуская педаль сцепления.

На окраине города был один единственный заброшенный парк. И именно мистер Фридрих познакомил Александру с ним, заглохнув почти год назад у его входа.

Тогда, в ожидании эвакуатора, Александра успела подружиться с парком и проникнуться к нему каким-то особым благоговейно-трепетным чувством любви.

Глава 2

Красный цвет светофора. На циферблате отчет с шестидесяти секунд, но Александре казалось, что это целая вечность, так сильно ей не терпелось очутиться в парке. Но как много за эти секунды она успела обдумать. Мысли проносились со скоростью света.

Она вспомнила разговор с мужем и друзьями об этом парке.

– Ребята! – восхищенно жестикулируя рассказывала Сашка, – это самое чудесное место на земле. Оно как будто волшебное. И почему я раньше про него ничего не знала? Я таких деревьев и цветов не встречала ни в одном парке города.

– Саш, ты о каком парке? Где он? – спросила ее подруга Юля, с которой они вместе корпели над бухгалтерскими счетами.

– Там, на Восточном обходе за серой каменной стеной. – Ответила Саша, одновременно пытаясь открыть карту города в телефоне.

– Ну слушайте, я живу там, но никакого парка никогда не видел, – удивился очередной юлькин ухажер.

Имела она особый талант менять мужских особей с удивительной легкостью.

– Я и не удивлена, ты кроме дурацких видео игр вообще ничего не видишь, – фыркнула Юлька.

– Ну как не видел? – удивленно воскликнула Саша. – Его невозможно не увидеть... Он огромный и, что удивительно, почему-то абсолютно безлюдный. Правда я там пробыла всего около часа пока ждала эвакуатор...

– Я тебя предупреждал не покупать эту ржавую развалюху! – перебил ее Женя.

– Давайте организуем там пикник на следующие выходные и вы лично убедитесь в существовании парка, – продолжила Саша, не обращая внимания на недовольную реплику мужа.

– Я поддерживаю! – захлопала в ладоши Юлька, сверкая колечками на каждом пальчике.

Ее даже в коллективе прозвали «сорокой». Иногда Саше казалось, что Юльку в жизни интересуют только украшения и вся ее жизненная цель сводится к очередной банальной покупке какой-нибудь блестящей дорогой ерунды.

«Может так и надо жить... – рассуждала Александра, – у Юльки всегда все просто в жизни и примитивно. И она вроде бы счастлива. Почему же я постоянно что-то ищу? Я не верю в чувства людей, потому что уверена в их фальшивости. Моя любовь к мужу и его ко мне на самом деле не любовь, а симбиоз. Мы превратились в животных, способных только потреблять и требовать, осознанно уничтожая зачатки чувств. Может мы их боимся? Или не знаем, что с ними делать и как их проявлять? Вот я, например, делаю то, что не хочу делать. Но делаю, потому что должна. Но кому и зачем я должна... я запуталась в этом мире... может я просто не вовремя родилась...»

Ее мысль оборвал сигнал в заде стоящего автомобиля. Загорелся зеленый цвет светофора, и водитель нервно бил в клаксон.

– Да что же ты такой нервный, дяденька? – проворчала Александра, давя на газ и три раза моргая ему аварийкой в знак благодарности, что соизволил так корректно обратить ее внимание на светофор.

Оглянувшись по сторонам, Сашу посетило открытие – оказывается, все люди заражены вирусом нервозности. Она посочувствовала молодой паре в машине слева, которые ругались с пеной у рта. «Как он умудряется управлять машиной и постоянно жестикулировать?» – подумала Саша, глядя на пару в зеркала. Справа худощавый паренек орал в телефонную трубку, нервно прикуривая сигарету. «Да что такое происходит с миром? Люди, в чем же ваше счастье? А мое в чем счастье... мы все как слепые котята...» – думала Александра. Она вспомнила, как когда-то так же ругалась в машине с мужем в скором времени после свадьбы. А самое смешное,

что из-за какой-то ерунды, которую она даже сейчас не может вспомнить. Зато обиженными друг на друга ходили целую неделю.

«Как мы глупы, – рассуждала Саша. – Что мы хотим доказать, унижая друг друга?»

Ее поток мыслей оборвал мистер Фридрих, внезапно заглохнувший, к тому же без всяких предупреждающих звуков и толчков. Как будто устал и решил остановиться на отдых. Александра автоматически испуганно глянула в зеркало заднего вида, ожидая очередной поток негатива от нервного водителя. Но машин нигде не было.

– Удивительно... – произнесла одними губами Александра, – куда все пропали? И тут ее внимание привлекла серая стена парка с неприметным арочным входом, увитым плющом.

– Фридрих, ну ты даешь! Снова заглох на том же самом месте, как год назад. Ты повторяешься, мой друг! – шутливо воскликнула Сашка, погладив руль автомобиля. – Ладно, стой тут, а я пойду прогуляюсь.

Александра, смеясь, выскочила из машины и побежала в парк в каком-то не понятном волнующем предвкушении.

Зайдя в парк, она с упоением вдохнула аромат цветов и разочарованно подумала о так и не состоявшемся пикнике с друзьями в таком прекрасном месте. На самом деле, Александра пыталась после разговора пару раз обозначить в памяти друзей это место, но осталась проигнорирована. В их глазах начинал читаться не понятный страх и вдруг спонтанно появлялись срочные дела. Ощущение, что какая-то магическая сила управляла ими и рождала в них ужас от малейшего желания пойти туда. Все разговоры резко приобретали другое направление, как будто кто-то иной выстраивал их мысли, дергая за ниточки как тряпичных кукол. Александра была в полнейшем замешательстве от происходящего, но больше решила не поднимать тему о пикнике в парке.

«Раз все чокнулись и готовы жить во лжи, унижении и предательстве, гнусно существуя вне любви, то пусть и остаются в своем искаженном мире.» – Думала Александра, не спеша бредя по тропинке сжимая и разжимая кулачки от негодования.

– Да ладно тебе, перестань думать о грустном, – оборвала она свой поток мыслей, – ты только посмотри вокруг. Какая красота! Я даже не знаю, как называются все эти деревья и цветы, но, думаю, это и не нужно знать, чтобы любоваться ими. А небо... какой у него насыщенный голубой цвет. Я бы назвала его – аквамариновое небо.

Александр даже захотелось прилечь на шелковистую траву рядом с тропинкой и смотреть в это бесконечное небо ни о чем не думая. Не долго сопротивляясь своему порыву, она с наслаждением растянулась на лужайке, подложив рюкзачок под голову. Улыбка счастья не сходила с ее лица, как у ангелочка, зависшего в пространстве и времени, покоренного божественной красотой.

Ей вспомнились слова Жени. Как-то давно, в разгар отношений, он сказал ей: «Любимая моя, ты знаешь, что твои глаза зеркалят небо? Если дождливо и небо серое, то цвет твоих глаз приобретает серебристый оттенок, а при солнечной погоде они ярко-голубые». «Жаль, что это был единственный комплимент, доставшийся мне за все время с ним,» – подумала Александра, покусывая травинку.

– Ну и пусть единственный, зато от сердца, – отмахнулась она от грустной мысли.

Она встала и, отряхнувшись, продолжила свой путь в манящую глубину парка, наслаждаясь многообразием птичьих трелей. «Прекрасная симфония леса...» – подумала она, улавливая соловьиную трель.

С наслаждением вдыхая ароматы цветов, она не осознанно проникала в тайную глубину парка, как любопытный ребенок, разглядывая все вокруг.

«Это поистине райская красота», – с восхищением думала Александра, рассматривая акации, буйно разросшиеся и обвитые лозами винограда. Нежно-розовые пионы привлекали пчел пьянящим ароматом. «Какая чудесная клумба с нарциссами!» – ахнула Саша и нагнулась

рассмотреть их поближе. Кусты благоухающих роз, выстроившись в ряды, убежали в даль, где кипарисы, величаво покачивая верхушками, приветствовали гостью.

– Ой, что это? Это же фиалки! – воскликнула она возбужденно. – Огромный разноцветный ковер из фиалок. Кому скажу, не поверят этому чуду! С ума сойти можно. В следующий раз обязательно возьму телефон, чтоб сделать фото.

Утомленная многообразием красок и звуков, она присела на старенькую скамью и достала из рюкзачка яблоко. «Странно, – подумала она, – в голове совершенно нет мыслей, как будто мой мозг только что родился».

Наблюдая за маленькой фиолетовой бабочкой, она доела яблоко и, облизав с пальчика сок, блаженно потянулась. «Пора возвращаться... не хочу, но надо», – подумала она, грустно улыбнувшись.

– Пока бабочка, – крикнула Саша ей в след и махнула рукой, как старой подруге.

– Боже мой, как такое возможно? – прошептала она, застыв в полнейшем недоумении с поднятой рукой в прощальном жесте. – Я поняла в чем тайна этого парка... тропинка делит его на весну и лето. С одной стороны от тропы весенний лес со свежей листвой и весенними цветами, а с другой стороны лето в разгаре. Как я не заметила этого раньше?

В душе начал зарождаться неприятный сгусток страха. «Либо я сплю, либо я сошла с ума», – подумала она, застегивая ветровку. Подул прохладный ветер. Александра посмотрела не небо. Оно уже потеряло прежнюю голубизну и приобретало пепельные оттенки.

– Так, надо возвращаться и как можно скорее, пока не пошел дождь, – сказала самой себе Саша, в надежде, что звук собственного голоса ее успокоит.

– Боюсь с вами не согласиться, мадмуазель. Дождя не будет.

Александра вздрогнула и резко обернулась. На тропинке стоял дворник. Да, именно, тот самый утренний дворник с корзиной цветов и с садовым инвентарем. Он ласково ей улыбнулся и, приподняв элегантно шляпу, склонился в легком поклоне. Александра удивленно вскрикнула, прикрыв рот ладонью.

– Это вы? Ой, здравствуйте. Простите мою бестактность, но вы очень похожи на дворника. То есть, предполагаю, что утром я могла вас видеть во дворе своего дома...

Она в полнейшем недоумении присела обратно на скамейку, не спуская удивленного взгляда с пожилого человека.

– Да, более чем уверен, что это был именно я. Жаром, к вашим услугам, – произнес он с почтением.

– Я так рада вас видеть! – воскликнула она с явным облегчением. – Может быть вы мне объясните странность этого парка? Пожалуйста, присаживайтесь, вы наверно устали...

Александр очень хотелось к нему прикоснуться, чтоб удостовериться в его существовании и что она не сошла с ума. Садовник, прихрамывая, подошел к скамье и присел рядом, снимая шляпу. Ветерок приподнял смятые шляпой седые волосы. «Вот это да... – подумала Саша, – наверно, именно так бы выглядел состарившийся мушкетер из книги Дюма». Она косым взглядом пыталась его рассмотреть. «Да, остроте моего пятиэтажного зрения можно позавидовать. Именно таким я его и разглядела... аккуратные седые усы, карие глаза. И взгляд такой не простой, как будто знает все тайны мира. И морщинки вроде есть и вроде-бы нет. Вот смотришь на него и видишь только глаза, но когда он улыбается, то видишь морщинки как-бы продолжение глаз...»

– И я вас очень рад видеть, – ответил садовник, с любовью прогоняя с колена ту самую фиолетовую бабочку. – Этот сад, на самом деле, мой дом. Я знаю всю его историю.

– Что же вас привело сюда? – после некоторой паузы спросил он загадочным хрипловатым голосом.

Александра не сразу ответила, поглощенная разглядыванием его одежды. Она была простого кроя, но не свойственна этому времени. Широкая белая льняная рубашка имела скром-

ный ажур у горловины и по низу рукавов. Поверх нее темно-коричневый удлиненный сюртук с закатанными рукавами, застегнутый под грудью забавной металлической брошью. Короткие штаны такого же цвета, как сюртук, подхваченные ниже колена черным бантом. «Интересно, это гольфы или лосины?» – думала Александра, разглядывая крепкие натруженные голени. Ее взгляд остановился на добротных кожаных башмаках, зашнурованных бечевкой. «Наверно удобные...» – почему-то подумала она. Наверное потому, что тоже ценила удобство в обуви.

– О! Извините, я задумалась. Что меня привело в парк...? Не знаю... наверно захотелось отдохнуть от городского шума, от людей и привести в порядок свои мысли, – ответила Александра, слегка устыдившись откровенного разглядывания старика.

– И как? У вас получилось отдохнуть и упорядочить мысли?

– Удивительно, но да. Мне кажется, что необычная красота парка, вытеснила из моей головы вообще все мысли... – ответила Саша, засмеявшись. – На какой-то миг я даже забыла кто я... Представляете?

– Да, абсолютно с вами согласен. Это особенный парк. И вы, как я полагаю, успели заметить в чем его особенность...

– Да, конечно! Я даже, признаться, немного испугалась. Это так не обычно и абсолютно невозможно... Как удалось разделить сад на весну и лето? – спросила Александра, вставая со скамьи и обводя сад рукой. – Меня, кстати, зовут Александра, – присев в шуточном книксене, с улыбкой представилась она садовнику.

– И не только на весну и лето, мадмуазель Александра. Это сад четырех сезонов.

Садовник тяжело встал со скамьи и, надев шляпу, многозначительно и серьезно посмотрел Александре прямо в глаза, как будто собирался открыть ей великую тайну.

– Вы шутите? – отмахнулась она. – Это невозможно...

«Но я же вижу весну и лето собственными глазами, значит все-таки возможно?» – подумала Саша, окончательно сбита с толку. В ней нарастало любопытство.

– Вы мне можете показать как возможно это чудо? – спросила она, сложив ладони в умоляющем жесте. – Ну пожалуйста...

– Тогда ответьте мне на один единственный вопрос.

– Да, конечно! – воскликнула Александра, удивленно приподняв бровь в немом вопросе.

– На что вы готовы ради настоящей любви?

– Это сложный и в тоже время простой вопрос, – ответила Александра после некоторой паузы, задумчивым взглядом посмотрев в теплые карие глаза садовника. – Простота в том, что ради настоящей любви я готова на все. Но сложность в том, что я не верю в ее существование.

– Есть большая разница между миром нашей мечты и реальным миром, – сказал садовник, загадочно ей улыбнувшись и приглашающим жестом предложил продолжить путь по тропинке, ведущей к истоку тайны. Александра интуитивно чувствовала, что там ее ждет что-то иное. Это пугало и возбуждало одновременно. Усиливающийся холодный ветер и сгущающиеся сумерки нагнетали страх и желание бежать обратно к мирно ждущему Фридриху, но магнетизм старика и нарастающее любопытство перевесили все инстинкты самосохранения, и она уверенно зашагала вслед за садовником.

Глава 3

Волны с диким ревом рушились на откосы скал, стремясь найти брешь в их неприступности и вырваться на свободу. Много веков идет эта немая битва – битва добра и зла, любви и ненависти. Но исход ее предрешен свыше и только Богу известен конец этой битвы за стойкость, за правду, за свободу и за любовь. И кромешной тьме суждено быть свидетелем и начала и конца.

Виконт Анри, с недавнего времени ставший герцогом де Фронтане, сидел в молчаливой неподвижности. И только треск бревна в камине вторгался в гробовую тишину замка. Взгляд черных глаз, исторгая злобу и ненависть, не моргая смотрел на языки пламени: «Вот так горит моя душа – душа бастарда, порожденная греховностью отца и по иронии судьбы попавшая во властные руки Людовика XIV»

С шестнадцати лет он исправно служит королю шпагой и верой. За его спиной война за право Францией владеть Испанскими Нидерландами. Это его первая война, на которую он шел с мальчишеской одухотворенностью, гонимый стремлением биться на смерть во славу короля. Если бы он знал, что изуродованные тела, исковерканные души, муки адской предсмертной агонии, порожденные полем брани, будут преследовать его во снах. И все эти смерти всего лишь за клочок земли, якобы по праву принадлежащий Марии Терезии – королеве Франции. Ахенский мир положил конец этой войне, но не избавил Анри от последующих кровопролитий во имя короны. Шестилетняя затянувшаяся франко-голландская война окончательно закалила в нем жестокость и бесстрашие. Виконт Арни, не боясь смерти, врывался в самую гущу военных событий, в адское месиво окровавленных бесформенных тел, изуродованных пушечными ядрами. Возможно поэтому, любопытства ради, смерть обходила его стороной, наблюдая и выжидая своего часа. Но он умирал в душе бесконечно много раз, теряя очередного своего боевого товарища. Арни мечтал только об одном – не быть больше никогда пешкой в политических играх.

Но, отменив Нантский эдикт, Людовик XIV разрушил хрупкий религиозный мир во Франции, стремясь полностью искоренить протестантство. Для уничтожения, спасающихся бегством гугенотов, он призвал многих своих поданных, отличившихся в бою, включая и незаконнорожденного отпрыска ветви де Роган, восстановив его в титуле герцога де Фронтане, дарованным когда-то Генрихом IV его деду. Глубоко травмированный в детстве издевками, как незаконнорожденный отпрыск от блудного семени отца, Арни душой не принял титул герцогства, но внешне сохранил бесстрашие перед лицом короля. И вот теперь Арни – герцог де Фронтане в этом замке на скалистом берегу пролива Ла-Манш, вынужденный ловить спасающихся бегством в Англию гугенотов и отправлять их на казнь, а сопротивляющихся убивать лично. «История помнит победителя, а не путь к победе!» – герцог иронично усмехнулся, вспомнив фразу короля.

– Мои руки по локоть в крови, – выдавил он сквозь стиснутые душевной мукой зубы. Герцог отвел взгляд от огня и посмотрел с презрением на свои сжатые кулаки. «Смогу ли я когда-нибудь смыть эту кровь?» – подумал он, откинувшись в кресле и вытянув промокшие ноги поближе к огню. Сегодня ночью были задержаны гугеноты, притаившиеся в гроте в ожидании хорошей погоды. Но шквалистый ветер, проливной дождь и бушующее штормовое море не позволяло им быстро покинуть берега Франции. Двое мужчин и женщина были задержаны и отправлены в Париж. Что их ждет дальше он запрещал себе думать. Возможно рабство на королевских галерах, а может и казнь. Но он благодарен Богу за то, что никто не оказал сопротивление и не пришлось убивать их самому. «Лживый трус, неужели, отправив их на королевский суд и не убив лично, ты не повинен в их смерти? Ты тешишь себя ложными иллюзиями» – шептала ему совесть. Он посмотрел на недопитую бутылку вина, стоящую

на полу рядом с креслом, и брезгливо поморщился. Даже чувство опьянения в последнее время не притупляло растущее сомнение в правильности своих действий.

«Нет, не смей так думать, – оборвал он себя, делая очередной глоток вина из бутылки. – Они отреклись от истинной веры, а значит отреклись от короля. Они предали Францию... – продолжал он нагнетать в себе ненависть, притупляя совесть.»

– Черт, да будь проклят этот мир! – прорычал Герцог и в прыжке разъярённого зверя подскочил к камину, швырнув в его раскаленное чрево не допитую бутылку. – Что мы делаем... договариваемся с Богом? Или торгуемся с дьяволом?

– Ваша светлость, прошу прощения, что отвлекаю вас, – промямлил, держась на безопасном расстоянии Луи, преданный дворецкий этого замка и состарившийся в его стенах.

– Говори... – не глядя на дворецкого рявкнул герцог.

– Пришли солдаты с дозора. Они нашли еще одну беглянку. Спрашивают вашего указания, что с ней делать.

– Пусть запрут в башне. Хотя нет, стой, пусть приведут ее сюда.

Он с раздражением скинул с плеч все еще влажный плащ и швырнул его в кресло. Заросшее щетиной лицо в сочетании с черными как смоль волосами, взъерошенными непогодой, сжатым в презрении ртом и метаящим молнии взглядом напоминало маску дьявола. Этот образ преследовал его всю жизнь. «Маленький дьяволёнок... бесовское отродье... исчадие ада... сатанинский выродок» – вот какие определения своей личности он всегда получал в детстве. В юности и зрелости они трансформировались в томные воздыхания девиц: «Дьявольски красив... безбожно грешен... завораживающе опасен, как сам сатана...»

Блики от огня, хаотично гоняющиеся друг за другом по пустым и холодным стенам замка, дополняли его дьявольский образ. Пламя лизало бездонную черноту глаз. Высокая и военнотренированная фигура герцога замерла в ожидании очередной жертвы закона. Он напоминал хищника, играющего мышцами, готового к роковому для добычи прыжку. «Когда же закончится эта ненавистная ночь?» – думал Арни, до боли стискивая челюсть.

Двое дозорных привели беглянку, точнее притащили неподвижное тело и швырнули его к ногам герцога.

– Вставай и моли Бога, чтоб он забрал твою душонку без страданий, – огрызнулся один из них, пнув трофей по ноге. Ответом был лишь слабый стон.

– Оставьте нас... – рявкнул герцог, махнув им рукой.

Арни брезгливо посмотрел на сжавшееся в комочек тело в позе эмбриона. «Совсем дитя... – подумал он, – если бы не спутанная копна длинных мокрых волос, то ее легко можно было бы принять за мальчишку». Черты лица девушки были скрыты рукой, прикрывшей голову в произвольном порыве защиты. Так же он не мог видеть безумного взгляда огромных глаз, полных боли, страха и не понимания. Но он чувствовал исходящий от нее липкий ужас ожидания смерти.

– Встаньте. Произнес он, поморщившись от грубости собственного голоса.

Скинув с кресла плащ, он сел, скрестив вытянутые ноги. Напряжение герцога выдавали лишь побелевшие пальцы, душившие ручки кресла и игра желвак на смуглом лице.

Сдвинутые к переносице черные брови и ритмично сжимающиеся губы свидетельствовали о борьбе мучительного мыслительного процесса.

Девушка привстала на руках и быстро оглянулась, как испуганный зверек. Убедившись, что в заде никого нет она медленно приподнялась на колени, поморщившись от боли.

– Не двигайтесь... – отвернувшись от нее к огню произнес герцог. Он поймал себя на мысли, что ему приятен ее вид с преклоненными коленями в позе грешницы. «Почему она молчит, не причитает, не плачет, не молит о пощаде?» – думал он, вслушиваясь в прерывистые толчки ее частого натужного дыхания.

Герцог с силой сжатой пружины соскочил с кресла, с грохотом откинув его назад. Эхо от упавшей массивной мебели зловеще разлетелось по огромной комнате и, ударившись о купол потолка, рухнуло вниз, издевательски проникая в воспаленный мозг Арни. Он схватил ее за плечи и с силой поставил на ноги, тряхнув как тряпичную куклу. Она едва доставала ему до ключиц.

Герцог замер, вглядываясь в совершенные черты бледного лица девушки. Огромные глаза цвета бушующего моря в обрамлении длинных черных ресниц, подрагивающие по-детски пухлые губы, руками он чувствовал мелкую дрожь ее хрупкого тела и считывал бесконечный страх во взгляде. Непроизвольно он прикоснулся к кровоточащей ранке на ее подбородке, как бы желая забрать всю ее боль. Хотелось прижать ее к груди и успокоить. Испугавшись не знакомых чувств, он резко оттолкнул ее.

– Жак, запри ее в башне, – в ярости на самого себя крикнул герцог солдату, ожидавшему приказаний за дверью.

Оставшись наедине в своих покоях, он чувствовал, как призраки прошлого обступают его со всех сторон. Они бесшумно зловещими тенями скользили из темных глубин замка, безжалостно вторгаясь в его пространство. Он ждал их, каждую ночь готовясь к новым душевным пыткам. «Терзайте меня, рвите на куски мою душу. Мне уже все равно...» – думал герцог. Он еще раз позволил памяти воспроизвести образ девушки, пытающейся вырваться из лап Жака и что-то сказать. Но в ее хрипах кроме боли он ничего не расслышал. Умоляющий взгляд под влажной пеленой подступивших слез... протянутая к нему прозрачная рука с немой просьбой помощи... чернота.

Глава 4

«Это не правда, какая-то злая шутка разума, так не должно быть. Всего лишь тот же ночной кошмар с новым продолжением...» – думала Александра, свернувшись клубочком на соломенной подстилке. Силы окончательно покинули ее после истошных, судорожных, вырывающихся из недр души рыданий. Ее замёрзшее тело продолжало содрогаться от остаточных конвульсий. «Я сейчас закрою глаза, а когда открою, то окажусь в мягкой кровати рядом с Женькой. И мне будет тепло...» – продолжала она наивно себя успокаивать. Но что-то подсказывало ей, что это далеко не сон. И от этой мысли становилось так страшно, что спирало дыхание и судорогой боль опоясывала все тело. Она боялась шевельнуться, чтоб не привлечь еще больших неприятностей. Даже дышать пыталась так тихо, насколько было возможно измученными соленой водой легкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.